ПОЭТИКА МОДЕРНИЗМА

З.С. ИДРИСОВА
(Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирск, Россия)

УДК 821.161.1-343.4(Сологуб Ф.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

ЖАНР "СКАЗОЧКИ" В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ 1900-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье изучаются жанровые особенности «Сказочек» Ф.Сологуба, формулируется определение жанра «сказочка», анализируются роль и значение символов в малых прозаических текстах. В контексте эпохи рассматриваются произведения эпигонов Сологуба: Бенедикта Катловкера, Евгения Сно и др. Проводится сопоставительный анализ, с целью выявления своеобразия художественных текстов, специфики авторского видения, особенностей построения и языка произведений, жанровых признаков.

Ключевые слова: русская литература, литературоведение, Ф. Сологуб.

Начало жанру "сказочек" положил крупный писатель XX века, Федор Сологуб. [Идрисова 2013] Слово *сказочки* в качестве указателя на жанр литературного сочинения нередко встречается в литературе XX века, но до настоящего времени вопрос о природе этого жанрового образования не ставился в исследовательской литературе. Ни в одном из словарей литературоведческих терминов определения слова *сказочка* нет. Единственное толкование, которым мы можем оперировать, таково: «Сказочка ж. разг. 1) Уменьш. к сущ.: сказка. 2) Ласк. к сущ.: сказка» [Ефремова 2014].

Это определение не объясняет особенностей *сказочки* как литературного жанра, поэтому необходимо сперва обратиться к близкому ей жанру – к литературной сказке.

Литературная сказка – эпический жанр: ориентированное на вымысел произведение, тесно связанное с народной сказкой, но, в отличие от нее, принадлежащее конкретному автору, не бытовавшее до

публикации в устной форме и не имевшее вариантов. Некоторые писатели перерабатывали фольклорные сюжеты, другие создавали оригинальные произведения в жанре литературной сказки [Белокуров 2014].

В случае с прозаическим циклом «Сказочки» Сологуба мы видим оба варианта – автор не только создает оригинальные произведения, стилизуя их под детские сказки, но и использует уже существующие сюжеты. На это указывает присутствие детской лексики, упрощенный синтаксис, построение сюжета по принципу кумулятивных сказок.

Помимо желания создать на основе сказки аналог стихотворениям в прозе, Сологубом могла двигать и другая идея. Подобные особенности лексики и синтаксиса вполне можно отнести к его желанию передать речь детей – краткие предложения и некоторая однообразность слов свойственна детской речи.

Кроме указания на небольшой объем (использование суффикса – *очк-* с семантикой уменьшения), ощущается и установка на сатиру и ироническую игру с жанром.

Е.И. Воробьева в «Заметках о малых прозаических жанрах» утверждает, что сологубовская «сказочка» представляет собой параболу – особое переходное жанровое образование, характерное для литературы XX века, отличающееся малой формой, многозначными иносказанием, а потому тяготеющее к символу. Признаки параболы высвечиваются через соотнесение ее с притчей второго типа (по классификации Аристотеля), характеризуемой как развернутый троп, полная аллегория. Однако «сказочка» Сологуба – «испорченная» притча, с нарушенным семантическим механизмом, т.е. либо второй план такой притчи содержит взаимоисключающие трактовки, либо текст включает указание на невозможность моральной оценки [Воробьева 1999: 291].

О.Г. Егорова отмечает сходство сологубовских «сказочек» со сказками для детей, однако все они потенциально проецируются на мир взрослых, что сближается «сказочки» с жанрами басни и притчи. Исследовательница видит имплицитный мифологизм образов и сюжетов Сологуба: «Персонажная структура книги такова, что каждый из героев олицетворяет собой архетип (так же, как и каждая пространственная характеристика), архетипы эти повторяются, варьируются, формируя циклическое целое. В систематике мотивов цикла важную роль играет обыгрывание цвета, света и числе. Для восприятия и осознания цикла в целом очень важна ирония цветовых образов книги, оказывающая большое влияние на функцию заглавия:

«Сказочки» с их уменьшительной формой – единство, построенное на иронии как на одном из основных структурообразующих пластов» [Егорова 2009: 156].

Н.В. Барковская обращает внимание на интерес Сологуба к поэтике абсурда и полагает, что его Сказочки» «можно назвать в числе произведений прямо предшествующим «Случаям» и «Рассказам» Хармса. Сходство распространяется как на содержание (оба писателя создают гротескно-абсурдный образ мира), так и на художественную форму, особенности поэтики [Барковская 2003: 218].

Вместе с тем, проблема единства цикла, которое выражается через систему постоянных для творчества Сологуба сквозных символов и мотивов, проходящих через его художественный мир, еще не рассматривалась исследователями, как и историко-литературный контекст, в котором «Сказочки» Сологуба воспринимались читателями.

Многим журнальным авторам начала XX в. понравилась идея, «заштрихованная» в сказочках Сологуба (собственно, алгоритм жанра, его матрица), и журналы запестрели различными «сказками» и «сказочками». В журнальных публикациях Сологуб не использовал каких-либо определений по отношению к своим сказочкам – над текстом писалось заглавие, в качестве подзаголовка, в скобках или без них, печаталось слово: *Сказочка*. В 1906 году в издательстве «Шиповник» вышел сборник «Политические сказочки».

У продолжателей и подражателей не было цели писать пародии на тексты Сологуба – жанр стал существовать независимо от создателя, развиваться и приобретать новые черты, порой, даже меняя свое название. Заданный на рубеже веков «канон жанра» оказался способным реализоваться и в достаточно отдаленных историко-литературных контекстах – от прозаических миниатюр Евгения Замятина и «Случаев» Даниила Хармса до сказок и сказочек Феликса Кривина.

В 1906 году на страницах второго номера журнала «Коса» появился небольшой цикл текстов, названный «Пестрые сказочки». Под псевдонимом *Евгений* (*Евгеній*) скрывался их автор – известный фельетонист и беллетрист Евгений Эдуардович Сно (1880, СПб. – ? <не ранее 1941>) [Масанов 1960: 441–442], впоследствии входивший в круг общения Хармса.

Рассмотрим первую сказочку, которая называется «О том, как один министр искал доверия»:

> Жил да был на свете один министр. Вздумалось ему доверия поискать.

Позвал он к себе мужичка.

– Веришь ты мне? – спрашивает.

– Нет, – говорит мужичок, – не верю!

Позвал министр рабочего.

– Веришь ли ты мне, братец?

– Нет, – отвечает рабочий, – не верю.

Позвал министр банкира.

– Одолжи, – говорит, – мне пятьсот миллионов. Уж ты-то, я думаю, мне доверяешь?!

Жмется банкир, помалкивает, а денег, впрочем, не дает.

Всех звал к себе министр, всех спрашивал, и все один ответ.

Рассердился министр, кулаком об стол ударил.

– Вот я вас, чертовы куклы, упрячу всех!.. Будете вы меня помнить!

– Ох, верим, верим, ваше-ство! – закричали спрашиваемые в один голос [Евгений 1906: 2].

Текст начинается с привычного сказочного зачина: «Жил да был на свете…», хотя главный герой сказочки совсем не типичен для фольклора, как и другие персонажи (банкир и рабочий). Композиция построена по принципу кумулятивной сказки: экспозиция – министр ищет доверия, кумуляция – последовательный допрос героев, финал – единогласный ответ спрашиваемых.

В отличие от большинства сологубовских сказочек, этот текст явно предназначен для взрослой аудитории, понимающей политическую обстановку страны, хотя формально мы можем причислить его к сказочкам.

Вторая сказочка в цикле – «Обывательские грезы»:

Приснилось одному обывателю, что он свободным гражданином стал. И так он хорошо себя почувствовал, что и просыпаться не хотелось.

Пришел городовой и разбудил обывателя. Ну, и увидел обыватель, что все это ему приснилось.

Мотив сна обладает здесь жанрообразующим потенциалом и повышает значение лишь одного сюжетного хода, с которым мы часто сталкиваемся в творчестве Сологуба.

Сон у Сологуба – единственно возможный выход, возможность уйти от жизни (сон=смерть). И, как и в сологубовской сказочке «Обидчики», главный герой не может остаться в мире снов – представитель власти (городовой) возвращает его к реальной жизни.

Третья сказочка *Евгения* – «О том, как один земский начальник высек волостного старшину и что ему за это было»:

> Ничего и не было. Высек, на том дело и кончилось.

Название отсылает нас к таким текстам, как «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя или «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» Салтыкова-Щедрина. Название откровенно иронично. В самом названии текста писатель говорит о том, что главными героями будут волостной старшина и земский начальник и не сообщает, чем же все закончилось. Читатель ожидает продолжения, подробного рассказа, а вместо этого получает одно короткое предложение, говорящее о безнаказанности чиновников. Такой финал отсылает к финалу сказочки Сологуба «Застрахованный гриб», где о безнаказанности съевшей гриб коровы сказано: «Ну, и ничего ей так и не было» [Сологуб 1911: 88].

В 1905 году в четвертом номере журнала «Вампир» появился небольшой цикл, названный «Маленькие сказочки». Его автор – Бенедикт Адольфович Катловкер (род. 11 июля 1872 в Сороках, Бессараб. губ. – ?), писавший под псевдонимом *Тень* [Масанов 1960: 223].

По своей структуре его «маленькие сказочки» повторяют сологубовские – лаконичность, антропопатизм, переосмысление устойчивых фразеологоизмов, тот же принцип номинации текстов: «Граф и конституция», «Адмирал и флот», «Газета и редактор», «Бомба и череп», «Доктор и тачка».

Сравним две «сказочки»:

Газета и редактор

> Газета выходила. И редактор выходил.
>
> Газета была конфискована. И редактор был конфискован.
>
> Газета перестала выходить. И редактор перестал выходить.

Мальчик и береза

В саду росла береза. На даче жил мальчик Ника. Ника был шалун. А у березы были ветки.

Раз Ника много шалил. Тогда с березы сорвали ветку, а с ветки листья обдернули.

Потом уже Ника не любил березу. Вот лето было долго, и настал июль, и конец июля. На березе показались желтые листья. Ника сказал березе:

– Что, злючка, вот тебя Бог и наказал, – другие деревья молодые, а ты уже седая [Сологуб 1910: 17].

Тексты сходны не только на синтаксическом уровне – ключевые события каждого из текстов не вербализованы, читатель должен сам догадываться, что же произошло с редактором и с Никой. В сказочке «Мальчик и береза» видно и принципиальное различие творчества Федора Сологуба и эпигонов. Несмотря на то, что жанр «сказочки» стал инструментом сатириков и революционеров, сологубовские сказочки сохранили на себе печать авторского стиля. Тема физического наказания неоднократно поднималась Сологубом в его творчестве; сохранилась она и в цикле сказочек.

Некоторые из «сказочек» послужили материалом для создания других прозаических произведений Сологуба. В качестве примера можно назвать сказочку «Стал маленьким» и рассказ «Маленький человек» (1907).

Оба героя страдают от своего роста – человек из-за маленькой «землицы и домика», а Саранин – из-за высокой жены. И тому, и другому герою помогают «уменьшительные капли», купленные у армянина/немца.

Заканчиваются произведения вполне логично – маленького человечка съедает ворона, Саранин «кончился».

Образ «быка» неоднократно появляется в текстах Сологуба. В качестве символа он является своеобразным маркером, отражающим изменение мира, переход в мир волшебства:

– Воображаю! Что ж ты, по быку сразу съедала?

– Быка сразу съесть невозможно, – спокойно возразила Аглая. [Сологуб 2001: 391]

После этого диалога Саранин отправляется на поиски «какого-нибудь средства», способного уменьшить супругу. Сходная беседа происходит между героями «Мелкого беса»:

– У быка есть рога?

– Ну, есть, так что же из того? – сказал удивленный Рутилов.

– Ну, а я не хочу быть быком, – объяснил Передонов

[Сологуб 2004: 44].

После такого заявления Передонов начинает обвинять Рутилова в колдовстве, а его сестер называет ведьмами.

Изначально образ «съеденного быка», «быка с рогами» появляется в сказочке «Бык», что дает нам основание предполагать, что Федор Сологуб мог использовать свои «сказочки» в качестве «строительного материала» для других произведений.

Следующая сказочка в цикле Катловкера – «Нагайка, пулемет и адмирал».

Нагайка заспорила с пулеметом, кто из них полезней и необходимей для блага страны. Спорили до слез, ничего решить не могли.

Проходил мимо адмирал, услыхал их спор и говорит:

– Напрасно вы, детки, спорите. Оба вы нужны нашей родине и оба полезны. А кто когда полезный – это даже не вопрос, а просто лишь административное усмотрение.

После чего все трое уехали в Москву.

Излюбленный метод аллегорического изображения политической ситуации в стране: на страницах многих революционных журналов можно увидеть подобные «диалоги», в которых собеседники говорят о насилии и беззаконии, творимых властью.

Автор последней из разбираемых здесь сказочек намного известнее; это знаменитая писательница из круга журнала «Сатирикон» Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая [Бучинская];

1872 – 1952).

Сказочка про белого бычка

Рассердились дети. Стукнули, брякнули. По столу кулаками, по полу каблуками. Требуют, чтоб мама им елку сделала.

А мама и говорит: «Ах вы глупые червята, пустомельные ваши головы. Сели бы вы скромненько, сложили бы ручки ровненько, я бы тогда и про елку подумала».

Сели дети скромненько, сложили ручки ровненько, ждут-пождут, скоро ли им елка будет.

А мама и говорит: «Ах вы глупые червята, пустомельные ваши головы. Стану я вам елку делать! Вы у меня и без того смирненькие».

Сказочка про белого бычка.

Рассердились дети. Стукнули, брякнули. По столу кулаками, по полу каблуками. Требуют, чтоб мама им елку сделала.

А мама и говорит: «Ах вы глупые червята, пустомельные ваши головы. Сели бы вы скромненько, сложили бы ручки ровненько, я бы тогда и про елку подумала...»

[Тэффи 1905: 4].

Название отсылает как к известной детской сказке, так и к одной из сказочек Сологуба [Сологуб 1910: 20].

Подобные сказки относят к категории докучных. Докучные сказки, как и небывальщины, пародируют подлинную волшебную сказку. Различие между ними состоит в том, что в небывальщине «доведено до абсурда само содержание сказки с ее тяготением к чудесному и сверхъестественному»; докучная же сказка доводит до бессмыслицы принцип связанности и протяженности сказки: от сказки остается лишь пустая форма: цепочка слов, свернутая кольцом, растянутая в дурную бесконечность.

Жанр сказочки идеально подходил для революционного времени: будучи небольшим по размеру и аллегоричным по содержанию, он позволял писателям свободно говорить о политической ситуации в стране, подшучивать над чиновниками и отпускать откровенные колкости в адрес правительства.

Несмотря на обилие и разнообразие литературного материала, на различие творческих индивидуальностей и стилей писателей, стоящих к тому же на разных эстетических и политических платформах, можно выявить общие типические черты, которые приобретали произведения этого жанра в русской сатирической литературе начала XX века. При анализе конкретного литературного материала мы пытались особо подчеркнуть те признаки и особенности жанровой формы, которые оказались исторически продуктивными и были впоследствии развиты сатириками.

Одно из главных отличий «Сказочек» Сологуба от произведений его последователей состоит в степени проработанности материала. «Сказочки» являются авторским творением, впитавшим в себя особенности сологубовского стиля. В некоторых его рассказах мы видим развернутые сюжеты сказочек, герои цикла появляются в романах Ф. Сологуба

Среди анализируемых текстов есть не только «канонические» сказочки, но и их варианты, более тяготеющие к басне, волшебной сказке или притче. В целом, можно отметить, что введенная Сологубом жанровая модель «сказочки» оказалась востребованной в ситуации политического и социального кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

Барковская Н.В. «Сказочки» Ф. Сологуба и «Случаи» Д. Хармса // «Странная» поэзия и «странная» проза: Филологический сборник, посвященный 100-летию со дня рождения Н.А. Заболоцкого. Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3 / под. ред. Е.А. Яблокова и И.Е. Лощилова. – М.: Пятая страна, 2003. – С. 218–229.

Воробьева Е.И. Заметки о малых прозаических жанрах // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 38. – С. 289–300.

Евгений. Пестрые сказочки // Коса. – 1906. – № 2. – С. 2.

Евдокимова Л.В. Миниатюра Ф. Сологуба «Полоски» в контексте «Случаев» Д. Хармса // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 96. – С. 172–183.

Егорова О.Г. О роли циклизации в прозе русского модернизма // Гуманитарные исследования. – 2009. – № 4 (32). – С. 155–161.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка // Режим доступа в Сети: http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/skazka/99614/. Дата последнего обращения: 19. 05. 2014.

Зусева В.Б. Прозаический цикл Ф. Сологуба «Сказочки»: серьезное и смешное в формировании смысла целого // Вопросы литературы. – 2009. – № 6. – С. 272–290.

Идрисова З.С. Жанр сказочки в творчестве Ф. Сологуба и других писателей // Первые научные штудии: Сб. научных трудов. Вып. 3 / под. ред. Е.Г. Николаевой. – Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013.

Культура письменной речи: Словарь литературоведческих терминов / сост. А. Белокуров. URL:: [http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=?4??4]. Дата последнего обращения: 19. 05. 2014.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – Т. 4. – М., 1960.

Сологуб Ф.К. Жало смерти. Истлевающие личины. – СПб.: Навьи Чары, 2001.

Сологуб Ф.К. Мелкий бес / подгот. изд. М.М. Павловой. – СПб.: Наука, 2004 (Сер. «Литературные памятники»).

Сологуб Ф. Собрание сочинений: В 12 т. – СПб.: «Шиповник», 1909–1911.

Аркадий Счастливцев. Сказочка // Сатирикон. – 1908. – № 5. – С. 2.

Тень. Маленькие сказочки // Вампир. – 1905. – № 4. – С. 2.

Тэффи. Сказочка про белого бычка // Сигнал. – 1905. – № 4. – С. 4.

Статья рекомендована к.ф.н., доц. И.Е. Лощиловым